

Н.Р. ДОБРУШИНА

МНОГОЯЗЫЧИЕ В ДАГЕСТАНЕ, ИЛИ ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕКУ ТРИ ЯЗЫКА

Дагестан исторически многонационален и многоязычен. Сейчас в нем сосуществуют около 30 национальностей, причем каждая имеет собственный язык. Большая часть этих языков обладает генетическим родством, однако весьма отдаленным, если сравнивать, например, с родством русского и украинского или даже русского и польского языков.

Лишь некоторые из дагестанских языков — литературные и обладают письменностью (аварский, даргинский, лезгинский, лакский, кумыкский, табасаранский, цахурский). Носители небольших бесписьменных языков, помимо родного, вынуждены знать как минимум один письменный язык, необходимый для обучения в школе и обеспечения социальных нужд. Таким языком обычно бывает один из литературных дагестанских языков, а именно язык большинства населения данной части Дагестана. Владение двумя дагестанскими языками характерно для всех носителей небольших языков. Впрочем, это связано не только с необходимостью пользоваться письменностью; в начале XX века, когда значительная часть населения Дагестана была неграмотной, знание второго дагестанского языка все равно было характерно для представителей малых народностей. Второй язык осваивался в результате экономических связей с соседями, в первую очередь, торговли. В сегодняш-

---

Добрушина Нина Роландовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры словесности Отделения деловой и политической журналистики Государственного университета - Высшая школа экономики. **Адрес:** 125319 Москва, Кочновский проезд, д. 3. **Телефон:** (495) 245-49-43 (д.). **Электронная почта:** daniel@qub.com

Автор выражает глубокую благодарность жителям Арчиба (хозяевам, друзьям и переводчикам), а также тем, кто прочитал настоящий текст и высказал свои замечания: А.Е. Кибрику, Н.Б. Вахтину, Л.Г. Ионину и М.А. Даниэлю.

нем Дагестане носители малых языков, как правило, не двуязычны, а трехязычны, поскольку подавляющее большинство хорошо знает еще и русский язык.

Настоящее исследование посвящено социолингвистической ситуации в дагестанском селении Арчиб (Чародинский район). Арчиб находится довольно высоко в горах (ок. 2100 м над уровнем моря) и даже с дагестанской точки зрения представляет собой «глубинку», удаленную от центров активной социальной жизни¹. Селение состоит из семи так называемых хуторов — аулов, разделенных пространственно (между некоторыми более часа ходьбы), но считающихся одной административной единицей, с единой системой среднего образования и тесными родственными связями. Население Арчиба на сегодняшний день составляет около 1200 человек. Жители говорят на собственном языке — арчинском; носителей арчинского языка вне селения нет, если не считать выходцев из Арчиба. Генетически арчинский принадлежит к лезгинской группе нахско-дагестанских языков. Впрочем, арчинский и лезгинский — родственники весьма неблизкие, во всяком случае, взаимопонимание между носителями этих языков исключено.

Своеобразие социолингвистической ситуации состоит в том, что административно Арчиб находится в преимущественно авароязычном районе. Соседние села — аварские и одно лакское. И аварский, и лакский — крупные литературные языки, в отличие от арчинского, который письменности не имеет. Арчинский язык не обладает государственным статусом, на нем не ведется (во всяком случае, не должно вестись) преподавание в школе. На уроке родного языка преподается аварский, который не является для арчинцев не только родным, но даже близкородственным. Преподавание других предметов в младших классах должно вестись на аварском языке, в старших — на русском. Русский язык — также отдельный предмет преподавания с 1-го класса и до конца школы. Таким образом, с семи лет арчинец сталкивается с необходимостью активно изучать два иностранных языка — аварский и русский (в средней школе добавляется английский). В результате большинство взрослых арчинцев владеет тремя языками: арчинским, аварским и русским, некоторые говорят и на лакском.

Задача нашего исследования — выяснить, какое место занимает каждый из этих языков в жизни арчинца: какая функциональная сфера им обслуживается, каково отношение арчинцев к этим языкам; особенное внимание уделено школьному образованию.

¹ Некоторые сведения о быте современных арчинцев содержатся в статье автора «Один из шести тысяч» в «Русском журнале» <http://www.russ.ru/politics/docs/odin_iz_shesti_tysyach>.

Исследование проводилось в селении Арчиб в июле 2005 и 2006 гг.² Методом сбора материала было устное анкетирование. Исследователь задавал вопросы и записывал ответы; интервью велось в жанре свободной беседы, последовательность задаваемых вопросов могла быть различной. Представляется, что такая методика — единственно осуществимая в данной ситуации, поскольку далеко не все опрашиваемые владеют навыками письма и чтения в такой степени, чтобы самостоятельно заполнять опросный лист. Среди респондентов были вовсе не умеющие читать и писать (представители старшего поколения), а также те, кто не знает русского языка; с последними исследователь общался при помощи посредника. Заметим, что результаты анкетирования через посредника беднее, нежели те, которые получены путем прямого общения.

Анкета, предлагавшаяся носителям арчинского языка, составлена автором исследования в результате «проб и ошибок»: исходный, достаточно случайно выбранный формат был значительно расширен в процессе работы. Всего проведено 29 интервью³ с арчинцами разных возрастов: от 1916 г.р. (по утверждению арчинцев, это самая старая жительница села) до 1992 г.р. Интервьюирование детей более юного возраста не проводилось по той причине, что они не владеют никакими языками, кроме арчинского; общение с ними тем самым затруднено и особого интереса для настоящего исследования не представляет.

Второй язык

В таблице 1 представлен список респондентов с указанием их пола, года рождения, образования и ответа на один из вопросов анкеты, а именно: какой язык, помимо арчинского, вы знаете лучше всего; ответ «наравне» означает, что респондент в равной степени владеет и аварским, и русским языками. Отметим сразу, что среди опрошенных был лишь один человек, чье знание арчинского сравнимо со знанием другого языка (русского), — тринадцатилетняя девочка, которая последние три года постоянно живет в Махачкале.

Кроме упомянутой девочки, все опрошенные называли своим первым языком арчинский. Только им они владеют, не ощущая никаких ограничений. На вопрос о знании второго языка ответы были различными: 10 из 29 опрошенных назвали своим вторым языком

² Исследование частично поддерживалось Фондом помощи вымирающим языкам — Endangered Language Documentation Program — и Научным фондом ГУ–ВШЭ (индивидуальный грант № 06-01-0090).

³ Заметим, что, поскольку одним из фокусов внимания исследования была школа, среди респондентов много учителей, и тем самым непропорционально много тех, кто имеет высшее образование; на следующих этапах исследования пропорция респондентов с высшим и средним образованием должна быть уравновешена в соответствии с реальной.

аварский, 4 человека сказали, что владеют русским и аварским в одинаковой степени, остальные признали вторым языком русский (табл. 1). Отметим, что для части респондентов ответ на этот вопрос был затруднительным; многие сомневались и говорили: «Ну, может быть, русский немного лучше». Практически в равной степени владеют аварским и русским Дж.Дж. (7), К.К. (9), Хад. (14), Хав. (15), Х. (20), хотя каждый из них выбрал один язык для ответа на наш вопрос.

Таблица 1

Владение арчинцами вторым языком

№	Сокр. имена	Пол	Год рожд.	Образование	Второй язык
1.	С.	ж	1916	несколько лет вечерней школы	аварский
2.	Сул.	ж	1925	среднее	аварский
3.	Б.	ж	1925	среднее	аварский
4.	ПМ	ж	1936	начальное	аварский
5.	ММ	ж	1938	начальное	аварский
6.	Г.	ж	1938	среднее	аварский
7.	Дж.Дж.	м	1940	высшее	русский
8.	М.	м	1943	незак. среднее	русский
9.	К.К.	м	1951	высшее	аварский
10.	С.М.	ж	1951	высшее	русский
11.	П.	ж	1954	ср. специальное	русский
12.	А.	м	1955	высшее	русский
13.	МагМ	м	1963	среднее	аварский
14.	Хад.	ж	1965	высшее	русский
15.	Хав.	ж	1965	высшее	русский
16.	Р.	ж	1965	высшее	наравне
17.	ЗС	ж	1970	высшее	русский
18.	Ш.	м	1970	среднее	наравне
19.	ПМ	м	1971	ср. специальное	наравне
20.	Х.	м	1973	высшее	аварский
21.	ЗМ	ж	1980	высшее	русский
22.	З.	ж	1981	высшее	русский
23.	ЗМус.	м	1984	незак. высшее	наравне
24.	Мад.	ж	1988	среднее	русский
25.	ЗалМ	м	1988	среднее	аварский
26.	Зуб.	ж	1988	незак. ср. спец.	русский
27.	Л.	ж	1989	незак. среднее	русский
28.	РГ	ж	1991	незак. среднее	русский
29.	Ал.	ж	1992	незак. среднее	русский

Очевидно различие между поколениями во владении русским языком: аварский в качестве своего основного «иностранныго» языка

выбрали все опрошенные до 1940-го года рождения. Более того, среди этих людей немало таких, кто по-русски не говорит вообще.

Лакский язык

Коротко охарактеризуем ситуацию с еще одним языком, знакомым арчинцам, — лакским. Как уже упоминалось, лакцы являются ближайшими соседями арчинцев. С лакским селом (Шалибом) существуют разнообразные связи, в отдельных случаях даже родственные, хотя в целом арчинцы пока что твердо предпочитают браки внутри своей небольшой национальности. Есть основания считать, что в XIX веке, а также в начале XX-го, арчинцы неплохо знали лакский язык. Наш опрос показал, что знание лакского языка утрачивается, можно сказать, уже практически утрачено. Среди молодых (начиная с 40 лет и младше) нет ни одного, кто хорошо бы владел лакским языком; некоторые говорят, что немного понимают лакскую речь. В то же время среди самых старших знание бытового лакского языка распространено.

Известно, что в XIX и в начале XX вв. торговые связи с лакцами играли первостепенную роль в жизни арчинцев. Дорога, в настоящее время ведущая в Арчиб и проходящая через аварские населенные пункты, была построена только в 1960-х годах. До тех пор Арчиб был доступен лишь по горной тропе, которая вела с другой стороны ущелья, а именно из Кумуха. Кумух был в XIX веке крупным лакским селом, центром Казикумухского округа, в который входил Арчиб. Так называемый Кумухский базар был важнейшим торговым местом для этой части Дагестана. Таким образом, до определенного момента (какого именно — не вполне ясно⁴) лакцы были практически единственным народом, с которым арчинцы имели устойчивые связи. Так, старейшая жительница Арчиба С. (1916 г.р.) говорит, что ее отец знал аварский и лакский из общения; дед знал лакский, но аварского не знал. Восьмидесятилетняя Сул. так объясняет свое знание лакского языка: «В Кумух на базар ходили, поэтому выучила лакский. Лакские гости домой приходили, в 10-12 лет научилась говорить». Заметим, что почти никто из опрошенных арчинцев не умеет писать и читать по-лакски; даже хороший уровень знания предполагает исключительно бытовое владение языком. Лакским языком овладевали в процессе общения, ему никогда и никто не учился специально (табл. 2).

⁴ В издании «Народы Дагестана» отсутствует эта информация: «До недавнего времени арчинцы были ориентированы на кумухский базар» [3]. О том, как, будучи детьми, ходили с родителями по пешеходной тропе в Кумух на базар, вспоминают жители Арчиба, которым сейчас около 60-ти.

Русский язык

Арчинцы утверждают, что, за исключением маленьких детей и древних стариков, в селении нет людей, не знающих русского языка; это не то чтобы преувеличение, но некоторое огрубление: встреченная нами молодая женщина, страдающая хромотой, незамужняя, не имеющая образования и работы, не понимала по-русски ни одного слова. В целом, конечно, для Арчиба, как и для всего Дагестана, характерно очень хорошее знание русского языка.

Таблица 2

Знание арчинцами лакского и русского языков

№	Сокр. имена	Знание лакского языка	Знание русского языка	Комментарии к знанию русского языка
1	С.	среднее	почти не говорит	
2	Сул.	среднее	почти не говорит	
3	Б.	хорошее	почти не говорит	
4	ПМ	понимает	не говорит	
5	ММ	среднее	плохое	
6	Г.	хорошее	плохое	
7	Дж.Дж.	хорошее	очень хорошее	учитель русского языка и литературы
8	М.	плохое	плохое	
9	К.К.	среднее	очень хорошее	директор школы; учитель аварского языка и лит-ры
10	С.М.	среднее	очень хорошее	учитель
11	П.	понимает	среднее	
12	А.	плохое	очень хорошее	директор начальной школы
13	МагМ	плохое	среднее	три года в армии в России
14	Хад.	нет	очень хорошее	учитель
15	Хав.	нет	очень хорошее	учитель
16	Р.	хорошее	очень хорошее	учитель
17	ЗС	нет	очень хорошее	учитель
18	Ш.	нет	плохое	
19	ПМ	нет	очень хорошее	часто гостит у родственников в Махачкале
20	Х.	плохое	очень хорошее	учитель
21	ЗМ	нет	очень хорошее	учитель
22	З.	нет	очень хорошее	учитель

2	ЗМус.	плохое	очень хорошее	учится в Махачкале
3				
2	Мад.	нет	хорошее	
4				
2	ЗалМ	нет	среднее	
5				
2	Зуб.	нет	хорошее	
6				
2	Л.	нет	почти не говорит	
7				
2	РГ	нет	почти не говорит	
8				
2	Ал.	нет	очень хорошее	постоянно живет в Махачкале
9				

В таблице 2 мы приводим список респондентов с нашей характеристикой того, как они говорят по-русски. Характеристика «плохое знание» (как и при оценке владения лакским языком) означает, что человек объясняется с трудом и с помощью русского языка в лучшем случае сможет решить элементарные бытовые проблемы; общение с этими людьми происходило при участии посредников. «Среднее знание» означает, что респондент владеет русским языком в такой степени, какая необходима для обслуживания его основных социальных потребностей (например, ответить на вопросы социолингвистической анкеты); при «хорошем знании» он говорит почти свободно, а «очень хорошее знание» означает степень свободы, близкую к той, которой обладает носитель русского языка, для кого этот язык является материнским.

Для довоенного поколения характерно слабое знание русского языка; многие старые арчинцы не говорят по-русски совсем (табл. 2). Многие из них, напомним, хорошо знают лакский язык и способны объясняться по-аварски. Для следующих поколений характерно хорошее знание русского языка, которое, впрочем, сильно коррелирует с уровнем образования. Высшее образование арчинцы получают в Махачкале, где всё население говорит и учится по-русски; школьное образование в Арчибе тоже в значительной степени основано на русском языке. Что касается тех, кто высшего образования не имеет, то их знание русского языка обычно зависит от жизненных обстоятельств. Арчинцы, которые практически не выезжают и не выезжали за пределы района, по-русски могут говорить довольно плохо, а в редких случаях — не говорят вовсе. Младшее поколение (13-16 лет) в целом говорит по-русски значительно хуже среднего поколения в силу того, что единственным источником их знания русского языка пока что является школа. Как объясняли некоторые учителя, знание русского у школьников непосредственно зависит от успеваемости: хороший ученик владеет им неплохо, плохой может не говорить вовсе. Одним словом, эта ситуация полностью аналогична ситуации с

английским или иным иностранным языком в жизни любого российского школьника.

Итак, *до поступления в школу арчинец по-русски не говорит и русского языка не понимает*. По свидетельству Р. (ж, 1965), дети «в первый класс приходят без никаких представлений о других языках». В самом деле, русских в селении нет и появляются они там в весьма редких случаях (раньше бывали туристы из России, сейчас, в силу ненадежной политической обстановки, туристов в Дагестане нет). Впрочем, с 1980-1983 гг. арчинцы смотрят телевизор, причем ловятся в Арчибе исключительно русскоязычные программы. Однако на вопрос, смотрят ли дети телевизор по-русски, Хад. (ж, 1965), мать троих детей, говорит: «Они не понимают языка, долго перед телевизором не держатся».

Между тем школьное образование предполагает, что с первого класса арчинские дети начинают учить два языка. Аварский — в качестве «родного», и русский — в качестве государственного. Причем преподавание других предметов также должно вестись на этих языках: на аварском (как на родном) в младших классах, на русском — начиная со средних. Конечно, вначале, когда дети приходят в школу, не зная аварского языка, учитель на уроке много говорит по-арчински. Большинство описывает ситуацию так: учитель говорит задание сначала по-аварски, затем переводит его на арчинский. Объясняет сначала по-аварски, потом переводит на арчинский. В средних классах то же самое происходит с русским языком: сложные места учитель объясняет по-арчински: «Хотя и директор ругает, и приезжий инспектор ругает учителей начальных классов, они первые месяцы говорят чуть ли не половину урока на нашем языке. Да что греха таить, я тоже многие вещи объясняю на арчинском языке, хоть и работаю в старших классах» (Дж.Дж., м, 1940). Администрацией школы это не поощряется. К.К. (м, 1951), директор школы и патриот арчинской культуры, говорит так: «Я сам ругаю — я же директор, я иду на ваш урок, я зафиксирую. Если я ругаю, они говорят — чтобы дети лучше поняли текст, я говорю — вы только им вредите». На вопрос, откуда исходит это указание — не разрешать учителям говорить на уроке по-арчински — К.К. отвечает: «Может, в 30-40-е годы было такое указание, и дальше по традиции мы идем».

Все арчинцы в один голос говорят о том, что *детям, которые начинают учиться в первом классе, приходится очень тяжело*. Вот мнение Дж.Дж., учителя русского языка и литературы: «Смотрите, какая глупость получается. Вот Читтаб рядом, для них родной язык аварский, в Шалибе тоже сразу на родном языке, лакском, учиться начинают. А наши дети — сразу два чужих языка учат. И хоть бы им какую-то поблажку дали. Никому до этого дела нет».

С другой стороны, необходимость хорошего знания русского языка настолько очевидна для всех арчинцев, что *никакого протеста или отторжения эта ситуация не вызывает*. Вопрос, стоит ли учить русский язык с 1-го класса, а затем и преподавать на нем все школьные предметы, вызывал недоумение: «[Хорошо ли, что учат сразу в младшей школе на чужом языке?] — Хорошо, конечно» (Хав., З., Х.). «Обучение на каком языке? Только на русском языке. Жить в России и на каком-то другом языке обучаться — зачем это?». «То, что можно перевести на русский язык, можно перевести на арчинский, что ли? Нельзя. Где найти тех специалистов, которые переведут на арчинский язык все знания?» (Дж.Дж.). «Для меня без русского жизнь — не жизнь» (З.).

Напомним, что собственно в Арчибе русский язык практически не нужен. За исключением школьных уроков, необходимость говорить по-русски, находясь в Арчибе, бывает совсем не часто. По словам учительницы Р., арчинские школьники общаются по-русски с лакскими детьми; в Арчибе, впрочем, лакские школьники бывают нечасто. *Необходимость знания русского языка связана, таким образом, исключительно с требованиями социального развития.*

В самом деле, в современном Дагестане без знания русского языка невозможно получить высшее образование и вообще существовать в крупном городе. Образование очень ценится в Арчибе, и большинство молодых арчинцев поступают в средние специальные училища, техникумы, институты и университеты в Махачкале. Махачкала — город, где живут дагестанцы всех национальностей: аварцы, даргинцы, лезгины, кумухи, табасаранцы и все остальные. Языком межнационального общения в этом городе является русский. Именно на русском говорят в магазине, в транспорте, в школе и в университете. На русском языке ведется преподавание в подавляющем большинстве учебных заведений. Дагестанские дети, родившиеся и выросшие в Махачкале, часто не знают никакого другого языка, кроме русского. Таким образом, *единственный язык, на котором может общаться с представителями других национальностей арчинец, выезжающий за пределы своего района, — это русский.*

Арчинцы старшего поколения (1920-1930 г.р.) существовали преимущественно в пределах своего района, а часто и в пределах Арчиба (напомним, что выезд был весьма затруднительным по причине отсутствия дорог, да и структура социальных связей была совершенно иной). Сул. (ж, 1924) почти не говорит по-русски (понимает, впрочем, лучше, чем говорит). По ее словам, русский язык она знает только из того, что ей дал учитель в средней школе: «Нам зачем русский, не нужен был». Современный арчинец существует в значительно более широком географическом пространстве. Итак, все арчинцы в один голос сетуют на то, как трудно приходится семилетним детям, которые начинают учиться в школе «без никакого знания языков» и немедленно сталкиваются с необ-

ходимостью не просто учить чужие языки, но и учиться на этих языках. «Знать какой-то язык — это не помеха, конечно. Но дети нагруженные получают» (А., м, 1955, завуч младшей школы). С другой стороны, отказаться от изучения русского представляется абсолютно невозможным в силу его исключительной социальной важности.

Каким же видят арчинцы выход из этого непростого положения? Мы слышали два ответа. Первый: упростить программу по другим предметам, снизить уровень требований к арчинским школьникам: «Наши дети по-английски должны выполнять такое же задание, как в районе. А у них только аварский и русский, у лакских детей — только лакский и русский, а у наших — английский уже четвертый язык получается. Я говорю — им же легче должны сделать» (Р., учительница английского языка). На вопрос о том, за счет какого предмета стоило бы упростить программу, обычно отвечают — за счет английского, который предлагают сделать факультативным — так же, как и урок информатики. Ни английский, ни информатика не являются пока что предметами, существенными для жизни дагестанских горцев.

Есть и другое решение проблемы многоязычия арчинских школьников; постороннему наблюдателю оно может показаться удивительным: «Я бы сделал хотя бы садик, чтобы наши дети ходили, в садике знакомились с аварским или русским языком» (Дж.Дж.). «Наоборот, не хватает русского языка нам. Я жалею, что садика нет» (З., мать двух детей). Облегчение участи детей видится арчинцам в том, чтобы освоение чужих языков началось еще раньше — в дошкольном возрасте.

Аварский язык

Как видно из предыдущего рассуждения, знание арчинцами аварского языка является приобретением XX века. Приобретением, однако же, достаточно ранним, поскольку среди наших респондентов не было таких, кто не знал бы аварского языка или знал его хуже лакского. По свидетельству А.Е. Кибрика, посещавшего Арчид в 1968 г., в то время такие арчинцы еще были живы.

В настоящий момент аварский язык весьма интенсивно преподается в школе; более того, поскольку арчинскому языку отказано в каком-либо социальном или политическом статусе, именно аварский является в школе тем языком, который преподается на уроках «родного языка». Школьными нормами предполагается, что на аварском ведется преподавание в младшей школе. Между тем, как мы уже говорили, *аварский язык генетически очень далек от арчинского*. Как фонетика, так и грамматика аварского языка арчинцу незнакомы и представляют большие сложности в изучении. Один из вопросов анкеты заключался в том, какой язык — аварский или русский — легче усваивается школьниками. Интересно, что ответы на него были разными, но с подавляющей частотой назывался русский (8 ответов — русский, 1

ответ — аварский). Хотя русский язык генетически не родственен арчинскому, а аварский родственен, тем не менее, многим арчинцам русский кажется более простым. В частности, среди трудностей, связанных с аварским, многие называли сложный алфавит. В самом деле, фонемный состав аварского языка значительно богаче русского, и система письменности сложнее даже с точки зрения количества знаков. Так думает, например, Х., учитель аварского языка: «Легче, конечно, русский язык усваивается. На аварском буквы трудные».

Аварский пригождается арчинцу в его повседневной жизни несколько чаще, чем русский язык. В Арчибе нередко появляются приезжие из соседних аварских сел, например, летом они привозят на продажу овощи и фрукты. Арчинцы гостеприимны, у многих есть «кунаки»-аварцы, и общаются с ними арчинцы, конечно, по-аварски. Вот как Дж.Дж., учитель русского языка и литературы, отвечает на вопрос о том, когда ему приходится пользоваться аварским языком: «Когда я говорю с аварцами или веду урок аварского языка. И в письмах, если пишу кому-то, не очень грамотным по-русски».

И, конечно, на аварский язык арчинец переходит, когда выезжает за пределы села. Как отмечалось, Арчиб находится в авароязычном районе, и в райцентре говорят по-аварски. Интересный факт состоит в том, что арчинцев обучают в школе *литературному аварскому языку*, между тем как в *районе говорят на чародинском диалекте аварского языка*, обладающем заметными отличиями. Аварская речь арчинцев в результате значительно отличается от районной, хотя видимая, лежащая на поверхности причина знать аварский язык — это говорить на нем в районе. Некоторые арчинцы даже жалуются на возникающие там трудности взаимопонимания: «Когда в район еду, я не понимаю диалект этот. Я понимаю только литературный чистый аварский язык. Мне говорят — ты не из Чародинского района. В Цурибе [райцентр. — Н.Д.] если человек знает русский язык, я стараюсь на русском, если нет — на литературном аварском или вообще стараюсь не разговаривать. Когда они говорят — ничего абсолютно не понимаю. Ну, смысл пойму, но дословный перевод — нет» (ЗМ, ж, 1980). «Когда приезжают гости с района, как они, разговаривать я не могу» (З., ж, 1981). Подавляющее большинство характеризует свой аварский так: говорю на литературном, понимаю на диалекте.

В этом отношении арчинцы даже ощущают некоторое свое преимущество перед живущими в районе аварцами. К.К., директор школы и учитель аварского языка, так оценивает речь аварцев Чародинского района: «Смешанно, некультурно разговаривают аварцы. Интеллигенция некультурно разговаривает — очень много русских слов. От этого и зло берется». Х., молодой учитель аварского языка (1973), полноценно владеет и литературным аварским, и диалектным, поскольку после окончания университета три года работал в райцентре:

«Сначала не получалось, они говорили на диалектном, не понимал, потом научился». На диалекте он говорит, выезжая в район; литературным языком пользуется, по его словам, в трех случаях: когда ведет уроки в школе, когда оказывается в тех селах, где говорят на литературном аварском (в Советском районе), и когда общается с носителем другого, не чародинского, диалекта аварского языка. Литературный аварский, таким образом, выступает в качестве «лингва франка» между носителями разных аварских диалектов (то есть как раз в той роли, в какой и должен выступать литературный язык). Существенно, однако, что арчинцы оказываются в этом отношении, так сказать, «иностранцами» в собственном районе.

Одно из исходных предположений нашего исследования состояло в том, что раньше арчинцы интенсивнее общались внутри своего района и выучивали аварский язык в процессе общения, то есть так, как они выучивали лакский. Если бы это предположение было верным, то старшее поколение владело бы диалектным аварским языком. Однако даже самые старшие из опрошенных нами арчинцев сказали, что говорят только на литературном аварском языке; их домашние подтвердили этот факт. Сул. (1925 г.р.), Б. (1925 г.р.) и даже С. (1916 г.р.) — все говорят на литературном аварском, хотя диалектный хорошо понимают. Сул. и Б. учились в самом первом наборе советской школы, и обе говорят, что аварский выучили в школе. С. пошла в школу, когда ей было двадцать лет. По ее словам, до школы она не знала никаких языков, кроме арчинского, а в школе выучила аварский язык. Таким образом, среди наших респондентов не нашлось таких, кто не учил бы аварский язык в школе и, соответственно, владел бы только диалектным аварским языком, выученным в процессе общения. Мы предполагаем, что поколение арчинцев, которое знало диалектный аварский язык из общения, все же было; помимо аварского, эти арчинцы говорили и понимали по-лакски, но совсем не знали русского языка. Так, С. утверждает, что ее отец знал аварский и лакский из общения; а дед знал лакский, но не знал аварского. Сул. тоже говорит, что ее родители хорошо знали лакский и аварский, а русского не знали совсем.

Итак, современный арчинец учит аварский в школе, а затем поддерживает его знание в процессе общения с авароязычными соседями. Помимо общения, есть и другой важный аспект использования аварского языка — это *письменность*. Арчинский, напомним, письменности не имеет, поэтому писать арчинец может только на чужом языке, а именно на аварском или на русском. Какой же из двух хорошо известных ему языков выбирает арчинец, когда ему нужно что-либо написать? Отчасти это зависит от жанра письменного текста. Некоторые официальные документы принято писать именно на авар-

ском, хотя в основном и в этой сфере есть возможность свободного выбора. Скажем, в школе ведут протоколы собраний по-русски, а в сельсовете — по-аварски. Большинство арчинцев пишут письма своим родным, а иногда и друзьям (заметим, что телефонная связь в Арчибе очень плохая, телефон есть только в сельсовете, мобильной связи не было до осени 2005 г., и желающие звонить по мобильному телефону забирались на ближайшую вершину).

Ответы на вопрос о том, *на каком языке респондент пишет письма*, были очень разными. Отчасти это зависит от адресата: конечно, письмо однокурснице-аварке будет на аварском языке, а даргинке — по-русски (напомним, что именно русский в Дагестане является языком межнационального общения). Что касается родственников-арчинцев, то и здесь иногда выбора нет: скажем, ЗМ (1973), находясь на учебе в Махачкале, писала родителям по-аварски: «Моя мама нигде не училась, она аварский лучше знает».

Более интересным представляется вопрос о том, на каком языке пишутся письма тем родственникам-арчинцам, которые владеют и русским, и аварским в равной степени. Наблюдаются оба варианта. Учительницы С.М. (1951) и Хав. (1965) пишут родным в Махачкалу по-русски, но переходят на аварский, если нужно написать что-то секретное; по-русски пишет письма в Арчиб и студент ЗМус. (1984), хотя отмечает, что разницы для него нет — на обоих языках он может писать без ограничений; ЗС (1970) пишет своему младшему брату-студенту по-русски. К.К. (1943), А. (1954), ПМ (1970) пишут письма родным только по-аварски, причем, что интересно, А. считает, что его русский несколько свободнее, чем аварский, а ПМ на соответствующий вопрос ответил, что владеет русским и аварским наравне. Почему же они выбирают аварский, а не русский в качестве языка для своих бытовых писем? А. и ПМ дали сходные ответы: «Это просто принято. Вот получилось, так и пошло. Писать письма легче на аварском, чем на русском. Ну, я тогда же привык, и пошло вот так. Записку даже К.К. — на аварском пишу» (А.); «Это как привычка» (ПМ). К.К. блестяще владеет русским языком, однако много лет преподает аварский и считает, что его аварский чище, чем русский. Он объясняет свою привычку писать письма по-аварски так: «Потому что я считаю себя арчинцем, во-первых, а во-вторых, мне легче выразить мысль свою на аварском языке» (К.К.). В этом ответе представляется очень интересным первое соображение: *арчинский патриотизм* К.К. заставляет его выбирать *аварский* в качестве языка письменности. К обсуждению этого мотива мы позднее вернемся.

Итак, знание аварского языка распространено среди арчинцев в меньшей степени, чем русского. Сфера применения этих языков совершенно различна: русский, — так сказать, язык карьеры. На русском получают образование, на русском общаются в крупных городах, где удов-

летворяются наиболее важные социальные запросы арчинцев. Русский язык обеспечивает арчинцам, как и всему остальному населению Дагестана, возможность общаться с представителями всех дагестанских национальностей. Потребности, которые удовлетворяются аварским, не столь амбициозны: на аварском общаются в окрестных селах и в райцентре: на рынке, в больнице, с кунаками-аварцами.

Арчинцы хорошо осознают эту иерархию. Многие из них подчеркивали большую значимость русского языка для своей жизни и жизни своих детей. Р., учительница английского языка, говорит, что предпочтет хорошее знание русского знанию аварского, «потому что русская речь везде нужна, а аварский так и так усвоят». «Аварский круг есть, поэтому нужный. Без аварского языка нельзя. Без русского языка вообще нельзя!» (П.).

Необходимость знания аварского языка не подвергается сомнению арчинцами. Семнадцатилетняя Мад. так отвечает на вопрос, зачем учить аварский: «Если гости придут — ничего не зная стоять зачем?». Между тем, *с функциональной точки зрения, в настоящий момент в жизни арчинцев практически не существует таких ситуаций, в которых было бы необходимо знание именно аварского языка*: подавляющее большинство аварцев прекрасно знает русский. Более того, ближайшие соседи арчинцев, жители лакского села Шалиб, представляют собой пример того, что без аварского языка можно обходиться: будучи носителями крупного литературного языка, они изучают в школе лакский и русский и общаются в райцентре на русском языке. Единственная ситуация, когда русского языка не хватает для нужд взаимопонимания, — это общение со старыми людьми: «Бывают старики, которые русский вообще не понимают» (Х., м, 1971), «Есть такие, кто по-русски плохо разговаривает» (Зуб., ж, 1988).

Этот аргумент приводят многие; самим арчинцам, однако, понятно, что он не слишком убедительный. Отдельные собеседники признавали даже, что без аварского можно было бы обойтись, но только «с подачи» исследователя: «В школе аварский, конечно, нужен, потому что в районе аварский нужен. [Разве нельзя обойтись русским?] — Можно обойтись — шалибцы справляются без аварского языка. Раньше аварский был больше нужен, потому что есть многие люди, которые за пределы района не выезжали и русского не знали вообще. Для меня аварский особой роли не играет. Для меня лично ближе русские писатели и поэты, чем аварские. Я лучше буду читать Ахматову или Окуджаву, чем аварских писателей современных» (З., 1981). Подавляющее большинство, однако, не сомневается в том, что знать аварский язык необходимо. Совершенно ясно, что идеи того, что аварский язык не так уж жизненно необходим, в арчинском обществе нет: «Ну, здесь же большинство населения аварцы. Есть старики, которые не знают аварский язык» (А., 1954).

Что же стоит за глубокой убежденностью арчинцев, что они должны знать аварский язык? Помимо самого распространенного аргумента — необходимости общаться с аварцами на их языке — приводятся и другие. Некоторые апеллируют к *важности приобщения к аварской культуре*: «Расула Гамзатова читать, по-моему, по-аварски же тоже лучше. Мы должны ценить прошлое в таком смысле, у него философии много. Учитывая культурный уровень нашего дагестанского общества, читать в подлиннике это тоже хорошо» (К.К., 1951). «Книжки, сказки по-аварски читаем. Свои писатели есть же, Расул Гамзатов. Песни поем на аварском языке» (ЗС, ж, 1970). Заметим, что собственно арчинский фольклор и в самом деле небогат. Своих, не заимствованных у соседних народов, сказок и песен у арчинцев совсем немного.

Играет роль, на наш взгляд, и своего рода *«привычка» этноса к владению несколькими языками*: «Изучишь аварский язык, не изучишь, но не пропадет все равно» (А., м, 1954). «Глухим бы я посчитал. Жить в Дагестане и не знать аварский язык — это как глухой. Лучше, конечно, еще кумыкский знать. Тогда вообще богатым человеком можно себя считать» (К.К., 1951). «Например, наши дети 80 процентов, можно сказать, лингвисты. Эти три языка сейчас каждый человек знает» (К.К., 1951). «Бывают же люди такие непонимающие. Чем как они так быть, другой язык тоже понимать я хочу» (Г., ж, 1938). «Знать языки не плохо никогда» (ПМ, м, 1971). Вообще, идея того, что знать много языков — хорошо, часто повторяется арчинцами.

Однако *наиболее важным аргументом*, по-видимому, является следующий. С тех пор как Арчиб оказался административно приписанным к Чародинскому району, титульной нацией которого являются аварцы, арчинцы тоже негласно оказались как бы приписанными к аварскому народу. Одно из проявлений этого — факт, что в качестве родного языка арчинцам преподают в школе аварский. В паспортах арчинцев в графе «национальность» стоит запись «аварец»: «Я замуж вышла, паспорт поменяла, сказала: ты, пожалуйста, запиши, что арчинка я. Он сказал — нет такого в списке, нельзя. Аваркой записал» (З., ж, 1981). Во время последней переписи населения некоторые жители Арчиба пытались записаться арчинцами, однако в этом — незаконно — им было отказано.

В результате такой политики, длящейся уже много десятилетий, *арчинцы среднего и младшего поколений и в самом деле считают себя аварцами*. Вот как отвечает ЗС (ж, 1970) на вопрос о том, можно ли обойтись без знания аварского языка: «Конечно, нет. Аварский как-то нам нужен. Мы же аварцы!». ПМ (м, 1971): «[Нужно ли учить аварский язык?] — Конечно, нужно. По паспорту мы аварцы. Не ар-

чинцы. Это же наш родной язык. Мы изучаем с детства» (ПМ, м, 1971). ЗМус (м, 1984): «Мы тоже аварцы получаемся. Как это мы будем с аварцами по-русски общаться». С уверенностью утверждает, что она аварка, Мад. 1988 г.р. Записан подобный ответ и от представителя старшего поколения, М. 1943 г.р.: «[Считаете ли вы себя аварцем?] — Конечно. Язык только один другой у нас, язык арчибский отдельный у нас. Все-все одинаково. Ну, какая есть разница. Нету разницы никакой. Немножко только есть разница».

В основном, однако, старшие жители Арчиба аварцами себя не считают. Г. (1938 г.р.), не очень хорошо владеющая русским языком, говорит так: «Я по характеру и по смыслу арчинку сказать хочу». Указывая на своих дочерей и внушек, она говорит: «Вот эти девочки, наверное, скажут, что аварки они». Б. (1925 г.р.) так отвечает на этот вопрос: «Аваркой называют, но хотела бы арчинкой быть». Самая старая жительница села, С. (1916 г.р.), говорит: «Арчинка я, но аварский знаю, и их тоже люблю, если скажут аварка, тоже не обижусь». Не считая себя аварцами, они, тем не менее, все равно связывают необходимость владения аварским языком с приписанной им национальностью: «[Аварский знать нужно.] Этот мальчик пишет «аварец», а язык не знает» (С.М., ж, 1951 г.р.).

Нужно сказать, что в принадлежности к аварскому этносу молодые арчинцы видят многие преимущества. Арчинцы никому не известны даже в Дагестане; ответить в Махачкале на вопрос о национальности «арчинец» означает встретить недоумение. Между тем аварцы — наиболее многочисленная национальность Дагестана, известная и за его пределами. *Называя себя аварцами, арчинцы оказываются включены в мощный социум, чем могут гордиться.* «В Махачкале говорю — чистый аварец я» (Х., м, 1971).

Таким образом, *не являющийся необходимым с функциональной точки зрения, аварский язык оказывается исключительно важным с точки зрения национального самосознания.* Владение аварским языком — главное доказательство принадлежности к крупной, известной, социально значимой нации. Удивительным, конечно, является тот факт, что это национальное самосознание сформировалось за такой короткий срок, особенно если помнить, что со всех объективных точек зрения принадлежность к аварскому этносу является совершенно фиктивной: *ни этнически, ни лингвистически арчинцы не имеют к аварцам никакого отношения.* Даже социальные связи с аварцами, столь важные сегодня, сформировались лишь на протяжении XX века, в XIX-м несравнимо более значимыми были отношения с лакцами.

Арчинский язык

В настоящий момент арчинский язык — единственный, на котором общаются жители Арчиба, находясь в селении. Впрочем, выез-

жая из Арчиба, друг с другом они также общаются только по-арчински. В тех случаях, когда арчинская семья переселяется в Махачкалу, наиболее типичной, по-видимому, является следующая ситуация: родители говорят между собой и с детьми по-арчински, а дети нередко предпочитают русский язык для общения между собой.

Говорить об утрате или даже тенденции к утрате арчинского языка в настоящий момент никаких оснований нет. Ни аварский, ни русский языки не являются конкурентами арчинскому в бытовом общении. Дети в подавляющем большинстве не знают и не понимают никаких других языков до того момента, как они идут в школу и их начинают обучать аварскому и русскому. Более того, даже в количественном отношении арчинский язык пока что не несет никаких потерь, скорее наоборот: сейчас в селе порядка 1200 жителей, соответственно, порядка 1200 носителей арчинского языка. Между тем А.Е. Кибрик с соавторами [2] указывают следующие цифры: в 1960 г. на территории Арчиба проживало около 700 человек, за его пределами — около 200; исследователь арчинского языка А.М. Дирр, ссылаясь на официальные источники 1895 г., указывает, что арчинцев «около 800 душ»⁵; по свидетельству П.К. Услара в середине XIX века арчинцев было около 500 человек. Таким образом, *на протяжении последнего столетия численность арчинцев растет.* Рождаемость в селении относительно высокая, хотя представители среднего поколения сетуют, что молодые арчинцы стали рожать меньше детей («Раньше детей много рожали, десять, двенадцать, не смотрели сколько. Сейчас хитрить стали, одного-двух рожают», — К.К., м, 1951). Более существенно то, что относительно низкой является миграция — не так много арчинцев уезжает из села насовсем.

Сами арчинцы не допускают даже мысли о возможной потере языка. Наш вопрос, не замечают ли старшие того, что молодое поколение говорит по-арчински хуже, делает ошибки, вызывало недоумение. «Как может портиться!» — удивляется А. (м, 1955) на вопрос о том, не портится ли арчинский язык. «Никак не изменилась речь. Обычаи изменились, а язык не изменилась» (Г., ж, 1938). «Хуже меня по-арчински разве будут они [дети] говорить. Вот моя внучка будет хуже говорить по-арчинскому» (П., ж, 1954). (Внучка П. растет в Махачкале.) В целом, родной язык не является предметом беспокойств, переживаний или рефлексии арчинцев. Все оценки собственного языка, которые мы записывали, были спровоцированы нашими вопросами; спонтанных высказываний на этот счет практически не встречалось. Так, ответы на вопрос «Нужны ли в школе уроки арчин-

⁵ В словаре Брокгауза и Ефрона приводится численность в 802 человека.

ского языка?» были разными; очевидно, однако, что этот вопрос не поднимается в Арчибе, то есть в любом случае для арчинцев он был совершенно умозрительным.

Большинство считает, что уроки арчинского языка в школе не нужны, так же как и преподавание других предметов по-арчински: «Нет, нет, не надо арчинский язык. Нам не хватает русского языка. Наоборот, я жалею, что садика нет. Арчинский язык за пределами нашего селения ненужный язык получается. Чем не знать русский язык, лучше не знать арчинский» (ЗМ, ж, 1980). «Места для арчинского нет, если ты учишь русский и аварский, и английский, и арабский. На арчинском ты дома, в семье говорить будешь» (З., ж, 1981). «Арчинский язык они и так уже понимают, умеют говорить, особого внимания уделять нет смысла» (Х., м, 1973). «Уроки арчинского — не надо — зачем эта лишняя нагрузка ребятам» (С.М., ж, 1951). «Нет необходимости. Вот М. — если бы он по-арчински математике учился бы, разве он выше поднялся бы» (А., м, 1955; М. — арчинец, достигший определенных успехов в профессиональной сфере). Итак, соображения против состоят в том, что нагрузка у детей и так маленькая, а смысла в изучении арчинского языка нет.

Вот редкие доводы за то, чтобы в школе учить арчинский: «У всех же есть свой язык в школе — у кумыков, у лезгин. Один урок чего там. Им же интереснее будет» (ЗС, ж, 1970). «[Нужны ли уроки арчинского в школе?] — Наверное, нужны. Чтобы писать хотя бы» (Зуб., ж, 1988). «Нужны. Потому что, во-первых, должны они знать язык. Во-вторых, язык воспитывает патриотизм» (К.К. м, 1951). Урок арчинского языка, таким образом, может иметь не только функциональный («писать»), но и идеологический смысл: чтобы быть как другие народы, чтобы воспитывать в детях арчинское самосознание.

Больше положительных ответов мы получили на вопрос, нужна ли арчинцам письменность. Заметим, что вопрос этот был весьма актуальным, поскольку с просьбой создать арчинскую письменность к нам — участникам экспедиции МГУ — обратились некоторые арчинцы еще перед нашей поездкой. Итак, нужна ли арчинцам письменность?

Интересно, что *отрицательный ответ мы получили от представителей старшего и среднего поколения*. «Используя русские буквы и аварские по-арчински писать можно, если захочет. А нагрузка лишняя не надо им» (С.М., ж, 1951). «[Есть ли необходимость писать по-арчински?] — Не нужно. Но если бы мы с первого класса учились на арчинском языке, то, конечно, я писал бы по-арчински». «[Детей стали бы учить писать по-арчински, если бы была письменность?] — Дети уже выросли. Внуков, возможно, и стал бы. Но, видите, перспектив никаких нету. Зачем это. За порогом чужие языки» (Дж.Дж., м, 1940). «Зачем нужно нам! Нам интереса нету» (Г., ж, 1938). «Хоть

я знала бы алфавит, а другие не знают, как писать. Если все знают, то можно писать. Бывает в скобку пишем наш язык, по-арчинскому языку, чтобы другие не поняли» (П., ж, 1954).

Положительный ответ на этот вопрос мы получали все-таки чаще. Для чего арчинцам письменность? Некоторые учителя, особенно работающие в младших классах, говорили, что это могло бы облегчить процесс обучения: «Своя письменность если будет, это хорошо. Облегчение чтобы обучения было. Чтобы нагрузку уменьшить, потому что труднее учить» (А., м, 1955). «[Нужна ли арчинская письменность?] — Конечно. Писать нужно же. Мы же писать не знаем на арчинском языке. Они же арчинский язык знают, им же легче будет на арчинском языке» (З., учительница младших классов, 1970). ПМ (1971), родственник арчинца-этнографа, отмечает значимость письменности для фиксации культуры: «Если бы была письменность, конечно, писал бы. Чтоб сохранить свою культуру, традиции, конечно, нужна своя письменность, и сохранить это в памяти».

Чаще, впрочем, особых аргументов «за» не находится: «Просто чтобы была. Стал бы, конечно. Письма» (З., м, 1984). «Ой, конечно. Я бы пользовалась, почему бы и нет. Ой, зачем. Не знаю, гордость» (ЗМ, ж, 1980). «[Что писала бы?] — Может быть, племянничкам. Чтобы свой язык не забывали» (Хав., ж, 1965). «Девочка лежала в больнице. Я писала ей русским алфавитом наши слова, она читала и плакала, она по-русски или по-аварски не будет понимать же. Сейчас я привыкла уже на русском, затруднения же я не захотела бы. А девочка если бы приучилась по-арчински писать, писала бы. Приятно же на своем языке, как будто твой близкий человек рядом» (Р., ж, 1965). З. учится в медицинском училище в Махачкале и не отказалась бы от умения писать по-арчински: «Вот девочки спрашивают — хоть напиши, хоть одно слово, как это у вас. Они спрашивают — как вы письма пишете... Научилась бы, конечно. Что там — алфавит же трудно выучить» (З., ж, 1988).

Итак, соображения в пользу арчинской письменности в общем похожи на те, которые высказывались по поводу уроков арчинского языка. Кажется, что наиболее важным является желание быть как все — письменность нужна, чтобы была. *С функциональной точки зрения использование арчинской письменности не представляется особенно важным даже в быту* — арчинцы привыкли писать на чужих языках, эта ситуация не кажется им обременительной.

Вопрос о том, *нравится ли респонденту арчинский язык*, задавался главным образом для того, чтобы получить аргументы, проясняющие картину арчинского национального самосознания. Неожиданно для нас на этот вопрос мы получили два отрицательных ответа и один, так сказать, почти отрицательный. «Не нравится. Это место

не нравится, и язык не нравится» (СМ, ж, 1951). «Арчинский — читать нету, писать нету, только говорить — от этого какая польза. Если бы хоть газета читать было бы, хоть вести, хоть новости. [Нужно ли учить арчинскому внуков, которые живут в Махачкале?] — Нет! Я буду учить другие языки. Арчинский я не буду. [Не жалко ли, что внуки не будут говорить по-арчински?] — Нет, конечно» (П., ж, 1954). Б., отметив, что ей нравится арчинский язык, ответила резко отрицательно на вопрос, нужно ли учить арчинскому городских внуков: «[Арчинский вам нравится? нравится?] — Наша матерный [материнский. — *Н.Д.*] почему — нравится, нравится. [Нужно ли внукам говорить по-арчински?] — Не нужно, зачем этот арчинский, шайтан чат [шайтанский язык. — *Н.Д.*]! Никто нигде не говорит! В мире говорит арчибский язык одно это селение! Зачем здесь? Горы!» (Б., ж, 1925).

Вообще, мысль о том, что арчинский язык является уникальным, что на нем говорят только в Арчибе, занимает воображение арчинцев. По этому поводу выражаются противоположные эмоции. От старшего поколения мы слышали оценки, подобные той, которая приведена выше, — тот факт, что арчинский не существует больше нигде в мире, является несколько пугающим. Для более молодых, напротив, это часто повод для гордости: «Арчинский мне нравится оригинальностью... Сколько раз я перелистывала этот словарь [словарь арчинского языка, изданный исследователями-лингвистами в 1970-е годы для научных целей. — *Н.Д.*]. Я думала — что за человек этот Кибрик [один из авторов словаря. — *Н.Д.*]. В университете в библиотеке сколько я искала, одну только книжку нашла я старую, в которой только Арчиб упоминается» (З., ж, 1980). «[Чем нравится арчинский?] — Первый язык арчинский же у нас. Поэтому, наверное. Нам интересно, откуда, как к нам этот язык, только здесь же он. Откуда это. Вообще интересно» (ЗС, ж, 1970). «[Чем вам нравится арчинский?] — Легче разговаривать, необычный, нету у других такого языка» (Зуб., ж, 1988). «Мне нравится арчинский язык. Такое маленькое селение — и свой язык» (ЗМ, ж, 1980).

Итак, одним из возможных поводов гордиться своим языком (и культурой, соответственно), является уникальность арчинского языка. Значительно более частым ответом на вопрос, чем нравится респонденту арчинский язык, является следующий: *это наш родной язык, тем и нравится*. Ответ, разумеется, совершенно естественный — в самом деле, разве нужны особые аргументы для того, чтобы любить своих родителей: «Свой язык, конечно, нравится» (А., м, 1955). «Конечно, свой язык же» (ЗС, ж, 1970). «Ну, свой язык, конечно, любому нравится. Нравится тем, что он есть» (ЗМус., м, 1984). «Конечно. Чем нравится — я же родился в Арчибе, поэтому» (Ш., м, 1970). «Ну это свой молочный язык. Как не нравится» (Г., ж, 1938).

«Свое же лучше!» (С., ж, 1916). «Как не нравится — первый язык» (Сул., ж, 1925).

Попытка найти объяснения, обоснования этой любви дает следующие ответы. Поскольку никто, кроме арчинцев, арчинского не знает, то *на нем хорошо говорить о тайном*. Это соображение приводили очень многие. Например, П., которая вообще высказалась отрицательно по отношению к своему языку, признала этот факт единственным преимуществом арчинского языка: «Когда гости придут, можно говорить тайное. Больше вот этого хорошего ничего, помоему» (П., ж, 1954) (гостями в Арчибе называют приезжих из других сел). «Сестра одна замужем за аварцем, другая — за даргинцем, говорят: как хорошо, что мы арчинский знаем, можно о секретном поговорить» (Хав., ж, 1965). «Когда к нам приходят разные торговцы — мы сговариваемся, чтобы никто ничего не покупал, и цены снижаем тогда. Муж перед гостями мне замечание не делает, он по-арчински мне скажет, чего не хватает» (З., ж, 1981). «[Нравится ли арчинский язык?] — Да, с моей точки зрения. Например, нравится мне, если вот мы сидим, я должен же не объяснить что-то, я могу по-арчински сказать. Вот из-за удобства мне нравится» (Х., м, 1973). «Если тайное слово бывает, тогда я тайное слово на нашем языке пишу» (Г., ж, 1938).

Интересное соображение относительно арчинского языка высказывали некоторые арчинцы: *арчинский язык — простой*. На нем легко говорить, ему легко научиться. «Мне кажется, арчинский язык легче, чем другие, легко усваиваемый. Когда сюда замуж выходят, они быстро говорить начинают, через два-три года, как мы, разговаривают. Я бы не смогла другой язык выучить» (Хад., ж, 1965). «Как не понравится свой родной язык. Наш язык учиться не тяжелый, легкий очень, один-два-три-четыре месяц будешь, уже можно учиться на нашем языке (М., м, 1943). Заметим по этому поводу, что, с тех пор как в 1970-х гг. вышло детальное описание грамматики арчинского языка, сделанное группой ученых из МГУ, арчинский является для лингвистов всего мира примером языка с исключительно богатой морфологией, характеризующейся большим количеством нерегулярно образуемых форм. Скажем только, что, по подсчетам А.Е. Кибрика, каждый арчинский глагол имеет более полутора миллионов форм (включая аналитические) (точнее — 1 502 839 [5, с. 467]). Приведенные выше суждения арчинцев являются, таким образом, хорошим примером субъективности, с которой носитель относится к своему языку: поскольку для арчинцев самым легким является арчинский язык, они распространяют эту оценку и на всех остальных, прибегая при этом к аргументам, придающим их суждению объективность (ссылаясь на приезжих). С другой стороны, социолингвистике известен следующий факт: носители малых языков, оценивая свой язык как социально

непрестижный, нередко считают его «простым», или примитивным по сравнению с более престижными языками.

Важное соображение в пользу арчинского языка было высказано К.К., который часто говорит о том, как *важно соблюдать традиции предков*. «Я, например, стараюсь в своей жизни сделать то, что сделали мои родители, прародители. Раз я так стараюсь, и язык тоже я должен знать». Надо сказать, что это соображение имеет некоторую ценность и для более молодых арчинцев. Так, на вопрос, чем отличаются арчинцы от других народов, что составляет их особую гордость, что стали бы они рассказывать о своем народе представителям других дагестанских национальностей, респонденты нередко говорили, что *арчинцы дольше других народов сохраняют старые традиции* — и это чистая правда. До 1970-х годов арчинки носили традиционную одежду (сейчас в ней ходят преимущественно старые женщины, хотя практически все признаются в своей любви к ней и охотно достают из шкафов старые наряды и серебряные украшения). До сих пор многие традиции, связанные с похоронами, свадьбой, сбором урожая сохраняются в Арчибе лучше, чем в других местах, хотя, конечно, за последние 20-30 лет в Арчибе произошло больше изменений, чем, вероятно, за предыдущие два столетия. «Когда сравниваешь — оказывается, наши обычаи, то, что делают наши люди, это лучше. Вот из Шалиба лакцы, они культурные люди, приезжают на соболезнование. С Москвы приезжают, с Питера. Это уважение у них есть. Но вместе с тем здесь [на соболезновании. — *Н.Д.*] они пьют. У нас, у дагестанцев, не принято, когда такое горе. Например, ночью-то никто нас не увидит, хотя бы сто грамм — но мы этого не делаем» (К.К., м, 1943). «Сохранили свою форму, свои обычаи. У нас обычаи тяжелые, что ли. Когда умер человек — вообще тяжело. Если муж умрет, то всю жизнь в черном надо ходить. Если муж умер бы — замуж уже нельзя выходить. Которую мужчина делает работу — она должна. Сорок дней дома должна сидеть. Выйти нельзя, только в туалет можно» (ЗС, ж, 1970). «Привычка у нас другой, чем у аварцев. Шуба не одевают они, другие вещи не одевают они. Вот если его [умершего недавно мальчика. — *Н.Д.*] родственников ты увидишь — жара какой, сверху большой бушлат надеваешь ты» (Г., ж, 1938). (Речь идет о традиции, согласно которой близкие родственники умершего человека в течение долгого времени должны носить, не снимая, теплую верхнюю одежду.) «Арчинцы отличаются тем, что сохранена одежда, свадьба, похороны» (ПМ, м, 1971). «[Отличаемся тем, что] у нас очень морально воспитанный народ, мы очень сохраняем целомудрие» (Хад., ж, 1965).

Многие арчинцы называют в качестве особого достоинства своего народа его *трудолюбие*. «Арчинцы по сравнению с другими народами трудоспособные и трудолюбивые» (Х., м, 1971). «Арчинцы от других чем отличаются — очень трудолюбивые» (А., м, 1955). «Тру-

долюбие в чем выражается — мы держим много крупного рогатого скота, овец много» (К.К., м, 1943). «Трудолюбивый народ. Конечно. Деды, прадеды! У-у, какой труд у них был!» (ЗС, ж, 1965).

Итак, арчинцы находят следующие характерные особенности своего народа: это народ трудолюбивый, сохраняющий старые традиции, обладающий уникальным языком. Некоторые говорят об уме и способностях арчинцев: «Очень часто я сравниваю свой язык с русским языком, с аварским во время уроков, пословицы особенно. Народ наш горсть, но мысли совпадают с многомиллионным русским народом, арабским народом. Сорок ученых вышло из арчинского народа⁶. Это много очень. Наши люди очень умные, очень способные» (Дж.Дж., м, 1940). Однако *в целом сказать, что арчинцы обладают явно выраженным и очевидным для всех национальным стереотипом, никак нельзя*. Все высказывания такого рода были получены только в ответ на вопросы исследователя; лишь немногие из арчинцев, по нашим впечатлениям, всерьез интересуются своей национальной идентичностью и задумываются о ней (такими людьми являются К.К., директор школы (1943), и З., одна из его дочерей (1980).

Выясняя, как арчинцы относятся к своему языку, мы спрашивали о том, *станет ли респондент учить арчинскому языку своих детей или внуков, которые будут расти в Махачкале*. Или иначе, — *хочет ли респондент, чтобы его ребенок / внук знал арчинский язык, если он будет жить вне Арчиба*. Отрицательных мнений было только два; мы приводили их выше (в связи с ответами на вопрос о том, нравится ли респонденту родной язык). Из трех человек, ответивших на вопрос, касающийся обучения внуков, отрицательно, двое сказали, что не считают нужным, чтобы они говорили по-арчински, а третья, С.М. (1951), несмотря на свою нелюбовь к арчинскому, все же хотела бы, чтобы ее внуки говорили по-арчински. Мотивировка, которую она приводит, является весьма характерной. «[Зачем нужно внуков, которые живут в Махачкале, учить арчинскому?] — Но они же не русские. Чтобы в Махачкале на русском разговаривали, я бы не хотела» (С.М., ж, 1951). В самом деле, утрата родного языка для жителей Махачкалы приводит к тому, что единственным языком остается русский (напомним, что именно русский, а не аварский является главным языком Махачкалы), — это соображение смущает не только С.М.. При всем уважении и часто любви к русскому языку, арчинцы не готовы принять его в качестве родного языка (в отличие от аварского). Вот еще некоторые высказывания на эту тему: «[Нужно ли учить детей, живущих в Махачкале, арчинскому языку?] — Почему не нужно!

⁶ Имеется в виду мусульманская ученость, речь идет о дагестанских шейхах.

Когда мы умрем, что, на русском они разговаривать будут, что ли!» (Г., ж, 1938).

Молодые арчинцы в один голос уверяют, что будут учить детей арчинскому, даже если останутся жить в Махачкале: «Раз арчинка она, должна знать арчинский язык» (ЗМ, ж, 1980). «Из-за уважения нации стал бы учить. В душе бывает обидно, когда попадают такие арчинцы, которые слова не знают по-арчински» (Х., м, 1971). «Я бы с ними дома по-арчински разговаривала; с родителями я хочу, чтобы они по-арчински разговаривали, когда в село приезжают» (Зуб., ж, 1988). «Дети, родившиеся в Махачкале, говорят по-арчински. Укрепляют знания арчинского языка, когда сюда приезжают» (ПМ, м, 1971). «Конечно, буду учить арчинскому. Все знают арчинский язык, кто в других городах живет. Это любовь к своему языку, вот это, наверное. Оставить свой язык и вдруг на каком-то другом языке — это нет» (А., м, 1954). «Внуки обязательно будут по-арчински говорить!» (К.К., м, 1951) (заметим, что жена К.К., П., относительно тех же самых внуков высказывается значительно менее убежденно — см. выше).

***

Подведем итоги. С одной стороны, арчинский являет собой редкий пример малого языка в современном мире, который не обнаруживает каких-либо видимых признаков вымирания: число носителей языка не уменьшается, а даже растет; в семьях говорят по-арчински, и, тем самым, не утрачена преемственность в передаче языка от одного поколения к другому; не наблюдается последствий излишнего влияния на арчинский других языков (аварского или русского), не наблюдается упрощения грамматической системы. По сравнению с подавляющим большинством других малых языков мира, состояние арчинского языка можно считать совершенно благополучным.

Если принять во внимание, какое место занимает арчинский язык в жизни его носителей, перспективы арчинского языка все же могут внушать беспокойство. Этот язык в наши дни имеет весьма узкую область применения — семейное и бытовое общение. Как только потребности арчинцев выходят за эти рамки, у них немедленно возникает нужда в другом языке: на арчинском невозможно преподавать, так как нет письменности и отсутствует терминология («Где найти тех специалистов, которые переведут на арчинский язык все знания?» — Дж.Дж., 1940); невозможно читать и писать, общаться где-либо вне Арчиба. Впрочем, в этом отношении положение арчинского несколько не изменилось по сравнению с XIX веком; область его употребления не сузилась. Расширились социальные потребности арчинцев, и эти новые потребности стали обслуживаться другими

языками; арчинский очевидным образом оказался для них не пригоден.

Функциональная ограниченность арчинского языка отчетливо осознается носителями и является причиной того, что они не видят необходимости усиливать позиции арчинского языка, например, вводить уроки в школе. Вялое отношение арчинцев к проблеме развития языка объясняется, конечно, и тем, что они не ощущают какой-либо опасности, грозящей их языку: «Пока хоть один арчинец живет, арчинский не может умереть» (Х., м, 1971). Здесь играет важную роль то обстоятельство, что арчинская жизнь на данный момент не подвергается негативным изменениям: миграция из села в город незначительна, смешанные браки в Арчибе — редкость. Народ, таким образом, не ощущает происходящие изменения как драматические: утрата традиционного уклада, хотя и имеет место, но происходит не в острой форме. То есть, с одной стороны, арчинцы не видят перспектив для своего языка, а с другой — нисколько об этом не беспокоятся.

Основной мотив, заставляющий их одобрить идею создания арчинской письменности, — это национальное самолюбие: чтобы быть как все, чтобы можно было сказать другим, что язык письменный. Из позитивных явлений отметим тот факт, что молодые арчинцы относятся к своему языку и культуре с большей симпатией, чем старшие. Только от последних мы слышали признания в нелюбви к своему языку и этносу. Возможно, это связано с политикой Советской власти, которая начиная с 1940-х гг. не поощряла национальные чувства. Возможно, это связано и с тем, что молодое поколение арчинцев, хорошо владеющее аварским и русским языками, в целом ощущает себя значительно более адаптированным к «большой жизни», чем старшее, которое пережило драматическую ситуацию выхода из маленького закрытого мира в большой («Раньше у нас народ считался отсталым» — Х., м, 1971). Женщины, одетые в национальные костюмы, вызывали насмешку в районе («Стеснение — это раньше было. Молодежь же все чухту [национальный головной убор. — *Н.Д.*] одевали. А сейчас различать не могут. Цивилизация идет в Арчибе» (С.М., ж, 1951). Низкий социальный престиж маленькой, «богом забытой» народности, который, видимо, ощущался в 1960-1970-е гг., молодых арчинцев по какой-то причине уже не беспокоит, и поэтому им легче быть арчинскими патриотами, чем старшим. Аналогичный процесс имел место и в других регионах. Так, Н.Б. Вахтин описывает возвращение национальных ценностей у народов Чукотки в конце 1970 — 1980-х гг. [1, с. 257]. Существенное отличие состоит в том, что за период нелюбви к собственному языку и этносу северные народы успели многое потерять и, по-видимому, безвозвратно. Между тем в Ар-

чибе эти процессы происходили в более мягкой форме, а жизнеспособность этноса несопоставимо выше, чем у северных народов.

В принципе именно патриотическая идея может уберечь малый язык от вымирания — просто потому, что ничто другое, видимо, не может. Едва ли в современном мире можно представить ситуацию, в которой расширится функциональная сфера малого языка. Однако в области национально-патриотической арчинский язык оказался вытеснен: молодые охотно приняли возможность быть аварцами. Аварская национальность настолько выгоднее для них, что трудно представить мотивы, по которым арчинцы могли бы от нее отказаться. Скажем, они часто не без гордости говорят о консервативности своих традиций, о том, что только у них сохранились многие элементы старого уклада — однако это нисколько не мешает им стремительно расставаться с этим укладом. Многие женщины признаются в своей любви к национальной одежде, но ни одна женщина моложе пятидесяти ее не носит. Однако, учитывая на примере арчинцев, с какой скоростью происходят такого рода изменения в сознании небольшого народа (еще 50-летние арчинцы аварцами себя не считают), возможно, активная деятельность в обратном направлении могла бы изменить отношение арчинцев к своей национальной идентификации.

Есть и еще одно оптимистическое соображение. Ситуация трехязычия, сложившаяся в Арчибе, в общем, довольно гармонична, какой бы экзотической ни выглядела она в глазах представителя одноязычного общества. Арчинцы хорошо относятся к своим трем языкам, каждый из них считая необходимым. Молодые арчинцы не только многоязычны, но и «многоэтничны» — они вполне органично существуют с двумя национальностями. Более того, не исключено, что именно возможность иметь вторую национальность, обеспечивающую им высокий социальный статус в Дагестане, способствовала примирению с первой. Социальная защищенность, ощущаемая арчинцами благодаря тому, что они волей судьбы оказались представителями крупнейшего дагестанского этноса — аварского, позволяет им положительно относиться к своему материнскому языку, видеть в нем уникальность и особую ценность. Как замечает Н.Б. Вахтин, решающий фактор, влияющий на выживание или вымирание языка, — это так называемая «языковая лояльность», или приверженность своему языку, желание (нежелание) на нем говорить [1, с. 230]. С этой точки зрения ситуация в современном Арчибе благополучна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.

2. *Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П., Самедов Д.С.* Опыт структурного описания арчинского языка. Том 1. Лексика. Фонетика. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 5.
3. Народы Дагестана / Отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М.: Наука, 2002. С. 284.
4. *Сергеева Г.А.* Арчинцы. М.: Наука, 1967.
5. *Kibrik A.E.* Archi. The Handbook of Morphology / Ed. by A. Spencer and A.M. Zwicky. Oxford: Blackwell Publishers. 1998. P. 455-476.